

ФЕНОМЕН БИБЛИОТЕКИ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Э. КОСТОВОЙ «ИСТОРИК»

О. А. Барма,

*аспирант кафедры культурологии Белорусского государственного
университета культуры и искусств*

Художественное воплощение постмодернистских теорий, предложенных представителями джентльменского клуба эпохи культуры постмодерна в лице уже канонизированных «отцов-основателей» постмодернизма Ж. Деррида и Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза и Ф. Гваттари, М. Фуко и Ж.-Ф. Лиотара, в рефлексии сегодняшнего дня, несмотря на их массовое тиражирование и повсеместное использование в различных вариациях, получает новый виток развития в творчестве писателей-постмодернистов. Благодаря литературным приемам исторического, детективного жанра, преобладающим в постмодернистской литературе, теоретические концепции постмодернизма были перенесены из академической среды в сферу художественной культуры, где представлены массовому читателю посредством художественных текстов, впоследствии отнесенных к категории «bestseller».

По мнению И. С. Скоропановой, концепции постмодернизма, реализуемые в художественной литературе, направлены на вскрытие созидającego потенциала самоорганизующегося хаоса, неприятия линейности, тотальности, догматизма, утверждение игрового сознания, множественность инакового, альтернативной природы бытия [3, с. 42], где элементы, являющиеся частью авторского художественного мира, как бы сдвигаются со своего места, приходят в движение, утрачивают стабильность, обнаруживают ранее не известные измерения, становятся самоорганизующимся хаосом [3, с. 70]. Следует отметить, что ключевыми элементами, способствующими становлению самоорганизующегося хаоса в философии постмодернизма и выражающими концептуальные основы теорий деконструкции, децентрации, ризоморфности, которые применяются для создания постмодернистского художественного произведения, являются ризоморфные объекты, к которым авторы-постмодернисты часто относят книгу и библиотеку.

Использование книги и библиотеки для организации сюжетного пространства в постмодернистской литературе приобрело в конце XX – начале XXI в. массовый характер, более того, постмодернизм узаконил правила воплощения библиотеки как антикварного, запутанного, пугающего пространства, в котором книга воспринимается как элемент мистики, содержащий загадочный смысл.

Понятно, что традиции изображения библиотеки и книги как ризоморфных объектов, заложенные на заре становления постмодернизма, не потеряли своей актуальности и по сей день. Так, в 2005 г. Э. Костова публикует свой дебютный роман «Историк», который благодаря не только занимательному сюжету, но и идейным и стилистическим находкам оказался весьма популярным в читательской среде, отвечая всем канонам постмодернистской литературы.

Основными характеристиками, позволяющими отнести данный роман к постмодернистской литературе, являются *принцип ризоморфного построения сюжетного пространства* и *выделение множества центров*, не связанных между собой, но составляющих единство сюжетного повествования. Рассказ ведется от лица трех и более персонажей, каждый из которых моделирует свое представление о событиях, используя одни и те же качественные и количественные предпосылки и создавая тем самым разнородные картины повествования, образует сюжетные разрывы, отличающиеся неясностью, туманностью, многозначностью. К сюжетным разрывам можно отнести несоблюдение временных и хронологических рамок, появление второстепенных сюжетов. Однако в то же время они способствуют раскрытию авторского замысла, являются хронометражем всего повествования, помогая читателю ориентироваться в нем.

Как было нами отмечено, не только сюжетные линии объединены *принципом ризомы*. Ризома подчинила себе основные смыслопорождающие центры. Таких центров много, и они отличаются гетерогенностью, что свидетельствует об отсутствии классической композиционной структуры. Смысловыми центрами в романе являются книга, библиотека, монастырь, да и сами мысли и действия, высказываемые и совершаемые главными героями, не конкретизируют сложившуюся обстановку, а, наоборот, делают ее более абстрактной для читательского понимания. Целостность произведения нарушается благодаря множественности центров: она

двоится, множится, рождая новые и новые варианты понимания. В связи с этим в романе «Историк» большое количество разнообразных и совершенно противоположных интерпретаций: его видят как мистический роман; как роман, поднимающий актуальные проблемы современности; как готический; как роман-фэнтези.

«Историк» – это продолжение традиций литературных воплощений научных теорий постмодернизма, заложенных в начале 80-х гг. XX в. итальянским семиотиком и медиевистом У. Эко в своем романе «Имя розы». Так, главным местом действия (как в романе «Имя розы») и узловыми, для развития сюжета, пространственными точками романа Э. Костовой является библиотека как хранилище текстов, концентрирующих, по мнению Г. В. Заломкиной, «информационную значимость и материальный интерес этих текстов, суммарно – их экзистенциальную первостепенность» [1, с. 120].

Роман повествует о захватывающем, растянутом на пять веков и девять стран, поиске информации об исторической личности – валахском князе Владе Тепеше, оставшемся в памяти людей как Влад Дракула и дожившем до 70-х гг. XX в. благодаря вампирическим свойствам «вечной жизни».

Главным средством в поиске становятся многочисленные тексты – письма, дневники, старинные книги и манускрипты, библиографические списки и инвентарные перечни, в большинстве своем хранящиеся в фондах крупных библиотек мира и монастырских библиотек европейского континента.

Именно в этом проявляется *ризоморфность* произведения: интересующие героев документы разбросаны по библиотекам двух континентов, более того, документы разделены на части, которые необходимо собрать, чтобы составить общую картину или, вернее, карту, по которой можно найти укрытие Дракулы. Интеллектуальная игра, в которую предлагает сыграть Дракула, заставляет героев углубиться в фонды библиотек, изучить их структуру, чтобы найти необходимую информацию. Однако, отыскав ее, нужно правильно интерпретировать, что нереализуемо по канонам ризомы: возможна лишь догадка, которая может привести к конечной цели, но она всегда может мгновенно разрушиться, приводя этим к новой догадке.

Хронотоп роковой книги вводится через образ книги, передаваемой Дракулой в качестве своего расположения людям, которых он считал достойными вечной жизни. Дракула ищет помощника в управлении собственной библиотекой, собранной им за пятьсот лет своего существования и скрытой от мира. Эта библиотека хранит тысячи драгоценных томов информации со всего света, среди которых – манускрипты из Александрийской библиотеки, труды Оригена и Фомы Аквинского, считавшиеся навсегда утерянными [1, с. 123]. Книга – это приглашение, шанс для смертного узреть великолепие библиотеки Дракулы.

Тайное обширное собрание книг и документов – библиотека Дракулы. Высшая точка разработки образа библиотеки как ризоморфного пространства, определяющего все сюжетные линии произведения, – аккумулярованное знание, информация, которая обладает ключевой, мистической всезначимой ролью для человечества: «Рядом с томом Фомы Аквинского я нашел раннего Шекспира *in quarto* – исторические хроники. Здесь были тяжелые труды алхимиков шестнадцатого столетия и целый шкаф, отданный иллюстрированным свиткам на арабском <...>, рассуждения пуритан о ведовстве, и миниатюрные томики поэзии девятнадцатого века, и толстые монографии философов и криминалистов нашего века» [2, с. 620].

Пространство библиотеки у Э. Костовой – замкнутое, запутанное, загадочное, связанное со страхом и тайной, грозящее столкновением со сверхъестественным. В библиотеке нет входа и выхода, есть только пространство познания, которое требует своего исследователя, согласившегося проститься с мирской жизнью и отдать себя в ее распоряжение. Строения, в которых библиотеки располагаются, могут быть древними или сравнительно новыми, но пространство обязательно оказывается запутанным, не имеющим явных координат: «В этой громадной комнате были десятки тысяч книг – если не сотни, считая свитки и другие манускрипты. Не все лежали на столах: груды книг заполняли тяжелые старинные шкафы вдоль стен. Средневековые тома вперемешку с изящными фолиантами времен Ренессанса и современными изданиями» [2, с. 619].

Личная библиотека князя Дракулы, описанная Э. Костовой, относит нас к уже известным образам «Вавилонской библиотеки» Х. Л. Борхеса и аббатской библиотеки У. Эко. Как и в библиотеках

упомянутых авторов, так и в библиотеке писательницы нет идеального порядка, есть только хаос, претендующий на звание нового порядка: «Разобрать книги в порядке, принятом в обычных библиотеках, заняло бы недели, если не месяцы, но поскольку Дракула, несомненно, разложил их в соответствии со своими интересами, я имел право оставить все как есть и только разобраться в системе их расположения» [2, с. 621].

Роман Э. Костовой – это замкнутая на себе бесконечность многочисленных вариаций событий. Сам текст не имеет единого, структурированного пространства и обладает множественными центрами. Он как бы соткан из множества историй, объединенных единым сюжетом, но рассказанных разными персонажами, не имеющих временных и пространственных границ. Библиотека – ризоморфный объект, способствующий воплощению постмодернистских теорий, где человек, вовлеченный в ее ризоматический хаос, с трудом ориентируясь в ее пространстве, чувствует себя заблудившимся в чаще ветвящихся и неожиданно меняющих свое направление, ведущих во все концы переходов, как физических, так и интеллектуальных.

---

1. Заломкина, Г. В. Смыслы библиотеки в романе Э. Костовой «Историк» / Г. В. Заломкина // Библиотекосведение. – 2008. – № 3. – С. 119–124.

2. Костова, Э. Историк / Э. Костова ; пер. с англ. Г. Соловьевой. – М. : АСТ, 2008. – 701 с.

3. Скоропанова, И. С. Русская постмодернистская литература : новая философия, новый язык / И. С. Скоропанова. – 2-е изд., доп. – СПб. : Невский Простор, 2002. – 414 с.